

«Ионыч» А.П. Чехова и «Ионыч» Ф.Д. Нефёдова: об одном из претекстов чеховского рассказа¹

В работе выявлен претекст рассказа А.П. Чехова «Ионыч». Одноименный очерк Ф.Д. Нефёдова был опубликован в журнале «Северный вестник» в один год с повестями «Огни» и «Степь», что могло обусловить внимание Чехова к произведению писателя-народника. Чехов сотрудничал с журналом и внимательно следил за публикуемыми в нем материалами. Он не признавал Нефёдова крупным писателем, однако, очевидно, запомнил его этнографический очерк, посвященный русским старообрядцам. Через десять лет Чехов обращается к чужому произведению и использует его в качестве одного из важных претекстов для своего рассказа «Ионыч». Одноименные рассказы двух авторов связаны между собой элементами определенного сходства. Чехов использует часть чужого материала для реализации своей задачи — раскрыть эволюцию главного героя. Интертекстуальные переклички рассказа Чехова с очерком Нефёдова помогают создать как бы предысторию для доктора Старцева. Помимо очерка Нефёдова, интертекст в рассказе Чехова задается отсылками к произведениям других авторов. Важную роль в рассказе играет автоинтертекст. Опора Чехова на различные претексты обусловлена стилизаторской природой его творчества. Переосмысление Чеховым материала предшественников в «Ионыче» вызвано обновлением решения проблемы личности, актуальной для 1890-х гг.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Ф.Д. Нефёдов, рассказ, «Ионыч», очерк, русская литература XIX века, сравнительное литературоведение.

The article reveals the pretext of A.P. Chekhov's story "Ionych". The article reveals the pretext of A.P. Chekhov's story "Ionych". The essay of the same name by F.D. Nefyodov was published in the "Severny Vestnik" magazine in the same year as the stories "Lights" and "Steppe", which could have caused Chekhov's attention to the work of the populist writer. Chekhov collaborated with the magazine and closely followed the materials published in it. He did not recognize Nefyodov as a major writer, however, he obviously remembered his ethnographic essay dedicated to the Russian Old Believers. Ten years later, Chekhov turns to someone else's work and uses it as one of the important pretexts for his story "Ionych". The stories of the same name by two authors are interconnected by elements of a certain similarity. Chekhov uses part of someone else's material to realize his task — to reveal the evolution of the protagonist. Intertextual echoes of Chekhov's story with Nefyodov's essay help to create, as it were, a backstory for Dr. Startsev. In addition to Nefyodov's essay, the intertext in Chekhov's story is given by references to the works of other authors. Autointertext plays an important role in the story. Chekhov's reliance on various pretexts is due to the stylistic nature of his work. Chekhov's rethinking of the material of his predecessors in "Ionych" is due to the renewal of the solution to the problem of personality, which was relevant for the 90s of the 19th century.

Keywords: A.P. Chekhov, F.D. Nefyodov, story, "Ionych", essay, Russian literature of the 19th century, comparative literature.

Одно из самых первых произведений Чехова — миниатюра «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т.п.» [1]. Двадцатилетнему студенту медицинского факультета вся литература представлялась одним большим собранием штампов, клише и трафаретов, из которых он воспроизводит лишь незначительную часть. В условиях, когда воспринимаются изжитыми прежние литературные установки, формы и образы, писатель стоит перед необходимостью либо создавать нечто совершенно новое, либо обратиться к стилизации. Стилизация предполагала использование преломленного слова, т.е. должна была учитывать предшествующее ему прямое слово и связанный с ним стиль. М.М. Бахтин писал в этой связи: «Не во всякую эпоху возможно прямое авторское слово, не всякая эпоха обладает стилем, ибо стиль предполагает наличие авторитетных точек зрения и отстоявшихся идеологических оценок» [2. С. 223]. Подчас стилизацию рассматривают как нечто вторичное, искусственное, лишённое органичности. Однако своя органичность присуща и стилизации: «Мы привыкли думать, — пишет С.С. Аверинцев, — что естественность и органичность непременно даны в начале пути, а стилизация, т.е. искусственность, приходит после; но органичность поэтического языка Вергилия достигнута на путях стилизации, через стилизацию. Это стилизация, победоносно преодолевшая и снявшая себя самое» [3. С. 18].

Стилизацию можно рассматривать в аспекте не только стиля, но и жанра. Именно такой подход свойственен Ю.Н. Тынянову. Он сближал стилизацию с пародией на основе их двуплановости:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 21-18-00481).

в пародии есть план пародируемый и направленный на него пародирующий, а в стилизации — стилизуемый и стилизующий. Переход от одного явления к другому связан с мерой определенности пародируемого плана: «Если второй план расплывается до общего понятия “стиль”, пародия <...> соприкасается со стилизацией <...>» [4. С. 212]. Тынянов употреблял понятие комически мотивированной стилизации, Бахтин же вводит термин «пародийная стилизация», подчеркивая тем самым условность границы между стилизацией и пародией.

Пародия и стилизация фундаментально обусловлены авторской рефлексией. Т.Г. Винокур пишет о «рефлектирующем принципе приема стилизации» и делает важное замечание: «Если рефлексия имеет место, то она преобразует стиль в стилизацию и в том случае, когда стилизуется собственный стиль, личная манера речевого поведения» [5. С. 299]. Творчество писателя-стилизатора предполагает, таким образом, существование чужих или собственных претекстов. Претекст является предметом авторской рефлексии и определенным образом входит в новое произведение. Сказанное в полной мере относится к творчеству А.П. Чехова.

В книге «Литературные связи Чехова» В.Б. Катаев справедливо отметил, что «“Иванов” во многом вырос из рассказов, ему предшествовавших» [6. С. 143]. Однако подобного рода замечания можно отнести не только к зрелым пьесам писателя, но и ко многим его рассказам. Образы, проблематика, характер повествования поздних его произведений в снятом виде содержат то, о чем раньше уже говорилось. Автоинтертекстуальность — одна из характерных особенностей творчества Чехова. В отношении заглавного героя «Ионыча» можно назвать образы, играющие роль предшественников. В упомянутом рассказе «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т.п.?» один из ответов на заглавие-вопрос звучит так: «Доктор с озабоченным лицом, подающий надежду на кризис; часто имеет палку с набалдашником и лысину» [1. Т. 1. С. 17]. В «Ионыче» отмеченная деталь трижды повторяется, становясь своего рода атрибутом доктора Старцева, превратившегося в Ионыча: «Принимая больных, он обыкновенно сердится, нетерпеливо стучит палкой *ó пол* и кричит своим неприятным голосом: “Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!”» [Там же. Т. 10. С. 40].

Неоднократно отмечалось, что доктор Топорков из рассказа «Цветы запоздалые» (1882) представляет собой как бы развернутую предысторию доктора Старцева, одну из вариаций его эволюции [7].

Проблема чужих претекстов для рассказа «Ионыч» в меньшей степени поддается верификации. Фольклорные и мифопоэтические корни образа заглавного героя проанализированы в статье М.Ч. Ларионовой [8], сходения с библейскими текстами — в работе Д.В. Макарова [9]. Претексты в рамках современной Чехову прозы, связанные с рассказом не на основе типологического сближения, а связью историко-генетического характера, фактически остаются неотмеченными. Особое внимание привлекает одноименное произведение современника Чехова.

В одном из номеров журнала «Северный вестник» можно увидеть знакомое название «Ионыч», но не Чехова, а другого автора — Ф.Д. Нефёдова. Естественно, возникает вопрос: это случайное совпадение или за тождеством названий стоит нечто большее?

Соотнесение времени публикаций произведений позволяет сделать первый вывод о том, что произведение Нефёдова, появившееся в 1888 г., предшествует рассказу Чехова, напечатанному в «Ежемесячных литературных приложениях к журналу “Нива”» десятилетие спустя, в 1898 г. Рассказ Нефёдова был опубликован в «Северном вестнике» в ту пору, когда Чехов только начинал активное сотрудничество с журналом и, скорее всего, внимательно читал публикуемые в нем материалы. «Ионыч» Нефёдова напечатан в седьмом и восьмом номерах журнала за 1888 г. [10], в шестом номере вышла повесть Чехова «Огни» [11], а «Степь» — в третьем номере [12]. Общее место публикации произведения Нефёдова и двух повестей Чехова — первая посылка, побуждающая внимательнее всмотреться в текст первого «Ионыча».

Творчество Филиппа Диомидовича Нефёдова (1838–1902) нечасто, но все-таки становилось предметом рефлексии современной ему критики. М.А. Протопопов, отзываясь

на выход второго тома собрания его сочинений, характеризовал писателя следующим образом: «...скромный бытописец довольно специальных и однообразных сфер русской действительности» [13. С. 63]. Правда, следом критик сглаживал свою суровую оценку другой, более позитивной, обусловленной содержанием текущей «литературной борьбы»:

«Сочинения» г. Нефёдова представляют собой очень заметное литературное явление, и не только заметное, но и симпатичное. Среди лжи декадентства, бессильных претензий символизма, самодовольной пустоты поборников и адептов безыдейного искусства правдивые, осмысленные и проникнутые теплым человеческим чувством рассказы г. Нефёдова производят решительно освежающее впечатление [Там же].

Протопопов причисляет Нефёдова, наряду с А.И. Левитовым, А.И. Эртелем и В.А. Слепцовым, к типу писателей-разночинцев, отличая его от типа писателей-народников. Претензии критика к Нефёдову отчасти похожи на те, что предъявляли Чехову: у обоих не находили отражения «идеала»: «Г. Нефёдов любит и живописует своих маленьких героев, не мудрствуя лукаво. Определенного общественного идеала вы напрасно стали бы искать у него» [Там же. С. 64].

В редких современных работах творчество Нефёдова в большинстве случаев изучается в контексте очерковой прозы писателей-народников, при этом анализируемый очерк остается вне поля зрения исследователей [14; 15].

«Ионыч» Нефёдова имеет подзаголовок «Из жизни и нравов лесного края», определяющий его жанровое содержание. Это этнографический очерк, в котором публицистический дискурс сочетается с художественным при доминировании очеркового начала: «Очерки Наумова и Нефёдова отличают ярко выраженные черты этнографизма и бытовизма» [16. С. 152].

Место действия очерка — Заволжская сторона. Повествование в начале произведения ведется от второго лица, что позволяет приблизить читателя к изображаемому миру, сделав его своеобразным спутником рассказчика. Рассказчик же предстает в роли этнографа и своеобразного экскурсовода: «Что прежде всего останавливает *ваши* внимание, когда *вы* въезжаете в селения поморцев, — это хорошая стройка <...>» и т.д. [10. С. 2].

Один из поморцев вводит рассказчика в новую для него сферу деревенской действительности и заочно представляет ему Ионыча: «*Материал хороший соберете. Особенно богата бытовая сторона. Надо будет вас познакомить с Ионычем — поморским архиереем, как называет его отец Петр. Не знаю, поправился ли только старик, — хворал!*» [Там же. С. 5]. Конфликт заключается в том, что священник Петр видит в простом мужике Ионыче, не имеющем церковного сана, конкурента, который отбивает у него паству, т.к. к нему ходят «вятские переселенцы, а уренские к Ионычу ходят молиться» [Там же. С. 7].

Рассказчик очерка Нефёдова персонифицирован, у него есть имя и отчество. Священник Петр обращается к нему: «*Вот, Дмитрий Павлович, если б вы посмотрели, какой выезд у Ионыча: в коляске с фореитором катается!.. Я потому и прозвал его поморским архиереем!*» [Там же. С. 8]. Из слов священника ясно, что Ионыч, как и другие близкие ему обитатели «лесного края», переселенец, своими корнями связанный с русским Севером.

В очерке описывается бытовая сторона заволжских старообрядцев, их повседневная жизнь. Этнографический очерк Нефёдова в жанровом и содержательно-смысловом отношении существенно не отличается от подобных произведений других авторов. Как и многим произведениям народнической литературы, ему свойственны описательность, элементы натурализма и схематичность образов. Новым можно признать тип заглавного героя произведения, потому он и мог привлечь внимание Чехова.

Очерк «Ионыч» объемён: редакция журнала поместила его в двух номерах. Если отвлечься от этнографической стороны и обратиться к событийному аспекту произведения, то он довольно незамысловат и связан с решением актуальных для обитателей «Заволжской стороны» проблем: земли и мужицкого пьянства.

Предваряя сравнительный анализ двух «Ионычей», остановимся на единственной характеристике Нефёдова, данной Чеховым. Она отражена в «Литературной табели о рангах» (1886), где Нефёдов отнесен к одному из самых низких «чинов». Он замыкает ряд «губернских секретарей», куда также входят «Нотович, Максим Белинский, Невежин, Каразин, Венгеров» [1. Т. 5. С. 143]. Вероятно, какие-то произведения писателя были так или иначе известны Чехову и до «Ионыча», но не произвели на него особого впечатления. В письмах Чехова фамилия Нефёдова не встречается.

В содержательном плане очерк Нефёдова может быть соотнесен с романом П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» (1871–1874), который упомянут Чеховым в «Контуре объявлений Антоши Ч.»: «В облаках, роман Андрея Печерского в 14 ч. (Продолжение “На горах” и “В лесах”)» [Там же. Т. 1. С. 100]. Своеобразным «продолжением» романа Печерского «В лесах» Чехов мог считать и «Ионыча» Нефёдова, посвященного «жизни и нравам лесного края». Сходство предметов описания могло сыграть роль еще одного побудительного мотива для знакомства Чехова с очерком.

Творческая контаминация преобразованного чужого материала со своим была свойственна Чехову, в чем, собственно, и проявлялась стилизаторская природа его творчества. Другое дело, что «заимствованный» литературный субстрат у Чехова находится иногда на значительной глубине и не всегда поддается обоснованной и строгой верификации, так что исследователю приходится балансировать на грани между утверждением и допущением. Черновики и подготовительные материалы к абсолютному большинству своих произведений Чехов уничтожал, так что проследить движение мысли писателя от творческого замысла до воплощения оказывается трудно, а иногда невозможно. Опорой для обоснования выдвигаемых положений может служить лишь системное единство творчества писателя.

Можно подметить одну из особенностей привлекаемого Чеховым для своей работы материала: если в раннем творчестве он не чурался брать для трансформации относительно новые литературные тексты, то позже он обращался к ним тогда, когда читающая публика уже подзабыла их и не могла обвинить писателя в «заимствовании». В случае с «Ионычем» срок давности составлял около десяти лет. Тем самым имплицитно отмечался своеобразный «юбилей» чужого произведения, испытывалась значимость отраженных в нем проблем, образов и событий, намечался вектор их развития в современной действительности.

В рассказе Чехова реализуется то, что когда-то было обещано рассказчику в предыдущем «Ионыче»: «Материал хороший соберете». Думается, что не только рассказчик, но и Чехов отчасти воспользовался им. Велик соблазн вывести фамилию *Старцев* не только из характера героя, воплощенного в тексте рассказа, но еще и из указания на то, что Ионыч у Нефёдова назван *стариком*, а имя и отчество Старцева — *Дмитрий Ионыч* — интерпретировать как соединение имени рассказчика (*Дмитрий Павлович*) с отчеством главного героя (*Кондратий Ионыч*). Можно сказать так, что имя и отчество чеховского героя актуализируют нефёдовский контекст.

Богатый «выезд» второго Ионыча и вовсе как бы творчески развит и переписан с первого Ионыча. В иной словесной аранжировке он превращен Чеховым в лейтмотивную деталь. Ср.: «Он шел пешком, не спеша (своих лошадей у него еще не было) <...>»; «У него уже была своя пара лошадей и кучер Пантелеймон в бархатной жилетке»; «И, садясь с наслаждением в коляску, он подумал <...>»; «Каждое утро он спешно принимал больных у себя в Дялиже, потом уезжал к городским больным, уезжал уже не на паре, а на тройке с бубенчиками <...>» [1. Т. 10. С. 25, 30, 32, 35]. Если в очерке Нефёдова едущий в коляске Ионыч вызывает ассоциации с «архиереем», то у Чехова повествователь сравнивает Старцева с идолом: «...кажется, что едет не человек, а языческий бог» [Там же. С. 40]. У Нефёдова слова о коляске Ионыча — не более чем одна из разовых характерных деталей. У Чехова неоднократное обращение автора к выезду Старцева выполняет несколько функций, являясь средством текстовой компрессии, а также способом отметить значимые вехи эволюции героя. О.В. Богданова пишет по этому поводу: «Образ извозчицы коляски, пары

или тройки собственных лошадей позволяли Чехову без лишних описаний представить движение времени, фиксировать те изменения, которые происходили с главным героем, воссоздать иллюзию его жизненного пути» [17. С. 125].

Конечно, различий у двух Ионычей намного больше, чем сходства. Перечислим самые очевидные. Возраст одного героя составляет «восемьдесят три года» [10. С. 25], другой Ионыч показан в эволюции — от одного возраста к другому без точного указания на него: «Прошло еще несколько лет. Старцев еще больше пополнил, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову» [1. Т. 10. С. 40]. Нефёдов, следуя жанровому канону очерка, передает подробный индивидуализированный портрет Ионыча:

Перед нами был сухой и мускулистый старик, с длинным лицом темно-желтого цвета и резко выступавшими скулами, высоким лбом, над которым висел густой клок волос, вздымавшийся кверху при малейшем движении, и чуть приметными, редко посаженными на бороде и усах белыми волосиками [10. С. 18].

Портрет чеховского героя динамичен, передается рядом рассредоточенных знаковых деталей. Он связан не столько с внешностью, сколько с постепенным замедлением движений героя и, что еще более важно, с замиранием и окостенением его внутренней, душевной жизни.

Еще одно существенное различие между двумя Ионычами связано с их социально-ролевым статусом. Ионыч у Нефёдова — крестьянин, а у Чехова — доктор, врач. Однако смена ролей практиковалась Чеховым. Именно она позволила дать Л.А. Авиловой кажущийся парадоксальным совет:

Во-вторых, то, что есть Дуня, должно быть мужчиною. В-третьих, о Соне нужно побольше сказать... В-четвертых, нет надобности, чтобы герои были студентами и репетиторами, — это старо. Сделайте героя чиновником из департамента окладных сборов, а Дуню офицером, что ли... [1. П. Т. 4. С. 359].

Авилова, не являясь стилизатором, попросту не поняла совет Чехова. Для автора практика «превращения» Дуни в офицера была в порядке вещей, не вызывала существенных затруднений. Не могло быть их и при трансформации восьмидесятилетнего крестьянина в молодого доктора.

В очерке Нефёдова интертекст отсутствует. В рассказе Чехова интертекстуальные отсылки к разным произведениям создают структуру связанных между собой разнородных текстов, о которых сигнализируют отдельные слова или выражения. В числе источников интертекстуальных связей чеховского «Ионыча» называются «Тысяча душ» А.Ф. Писемского, «Доходное место» А.Н. Островского, народная песня «Лучинушка», отсылающая к ряду произведений, в которых она отозвалась [18], «Ночь» А.С. Пушкина и «Элегия» А.А. Дельвига [19].

Во второй главе рассказа описывается, как Старцев после года, проведенного «в трудах и одиночестве», вторично оказывается в гостях у Туркиных. Во время этого визита состоялся его разговор в саду с Котиком:

- Что вы читали на этой неделе, пока мы не виделись? — спросил он теперь. — Говорите, прошу вас.
- Я читала Писемского.
- Что именно?
- «Тысяча душ», — ответила Котик. — А как смешно звали Писемского: *Алексей Феофилактыч!* [1. Т. 10. С. 30].

Сразу после этой реплики Екатерина Ивановна «вдруг встала и пошла к дому». Едва начавшийся диалог вдруг прерывается. Конечно, это можно истолковать и как неумелое девичье кокетство, и как взбалмошность героини, следование ее вычитанным откуда-то нормам поведения девушки на свидании. Но есть в этом фрагменте и скрытый художественный смысл. В рассказе отдельные эпизоды (и главы тоже) имеют своеобразную «отбивку», которая выделяет их в рамках цельного текста в нечто относительно самостоятельное. Н.М. Фортунатов вслед за шведским славистом Н.О. Нилссоном называл эту технику «блоками» [20], а В.И. Тюпа пишет об эпизоде как о «ключевой единице нарратологического анализа» [21. С. 27]. В пьесах Чехова функцию «отбивки» для сценического эпизода будет выполнять ремарка — *пауза*.

Приведенный «блок», после которого можно было бы поставить ремарку *пауза*, нуждается в осмыслении. Отчество Старцева *Ионыч*, очевидно, ассоциируется у Котика со «смешным» отчеством Писемского: *Феофилактович*. Для авторского сознания могла быть актуальна еще одна переключка — с отчеством Нефёдова: *Диомидович*. Каждое из этих трех отчеств имеет свой смысл. У Писемского и Нефёдова они объясняются именами их отцов. У литературного героя отчество придумано и, в отличие от отчеств писателей, наделено способностью ассоциативного вызова. Если Котик ассоциативно связывала отчество Писемского с отчеством Старцева, то у Чехова могла возникнуть ассоциация с отчеством Нефёдова. Таким образом, две реальные личности и литературный герой оказывались связанными воедино и создавали реминисцентный фон рассказа.

Котик недавно прочитала роман «Тысяча душ» и решила вести себя на свидании по литературной модели. В романе есть фрагмент, где Калинович признается в любви Настеньке Годневой. Эпизод прямо переключается со сценой в «Ионыче»:

— Ангел мой! Сокровище мое! — говорил Калинович, целуя ее, и продолжал по-французски...

Настенька слушала внимательно.

— Нет, — сказала она и *вдруг отошла и села на свое прежнее место* [22. С. 84].

Прочтя роман, Котик, видимо, решила вести себя как Настенька Годнева, отдав роль Калиновича Старцеву, тем более что некоторое сходство между ними есть: тот и другой — небогатые разночинцы. Но Котик слепо копирует поведение героини Писемского, повторяя ее роль барышни на любовном свидании. Это скрытое удвоение роли потому и кажется манерным и смешным. Если Настенька «вдруг отошла и села на свое прежнее место», то Котик «вдруг встала и пошла к дому», т.е. тоже «на свое прежнее место».

Произведение Писемского определяют как «роман карьеры». Приведенный романтический эпизод знаменует исток карьеры Калиновича. «Ионыча» Нефёдова при известном допущении можно назвать «очерком карьеры» простого мужика, ставшего со временем авторитетным, как архиерей. На фоне произведений-предшественников «Ионыч» Чехова воспринимается как рассказ о ложной карьере накопителя.

Восьмидесятирехлетний Ионыч в очерке Нефёдова — старообрядец, глубоко верующий человек. Чеховский Ионыч по отношению к вере в Бога почти не проявляет себя. В сцене на кладбище безличный повествователь единственный раз передает экзистенциальные переживания героя:

На первых порах *Старцева поразило* то, что он видел теперь первый раз в жизни и чего, вероятно, больше уже не случится видеть: мир, не похожий ни на что другое, — мир, где так хорош и мягок лунный свет, точно здесь его колыбель, где нет жизни, нет и нет, но в каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную. От плит и увядших цветов, вместе с осенним запахом листьев, веет прощением, печалью и покоем [1. Т. 10. С. 31].

То, что поразило Старцева, передает его нереализованные личностные возможности: все-таки он оказался способен, пусть «на первых порах», ощутить иной мир, где «чувствуется присутствие тайны». В том мире, где оказался в итоге герой, тайны нет, в нем присутствует, если воспользоваться словами из очерка Нефёдова, только «бытовая сторона».

По принципу антитезы изображаются отношения героев с социумом. Ионыч Нефёдова является вариантом «народного заступника», только не молодого, как Гриша Добросклонов у Некрасова, а старого, умудренного жизнью. Кондратий Ионыч — плоть от плоти мужицкой среды и выступает как выразитель ее надежд и чаяний.

Дмитрий Ионыч по мере роста своего благосостояния все больше отчуждается от социума, становясь уединенным рыцарем наживы. «Старцев бывал в разных домах и встречал много людей, но ни с кем не сходилась близко» [Там же. С. 35].

Проблемы мужицкой жизни, рассматриваемые Нефёдовым, сами по себе не оригинальны и как таковые, уже без влияния этого писателя-этнографа, отражены в других произведениях

Чехова. Если между ними и возможна связь, то не историко-генетическая, а типологическая. Так, кабаки и проблема народного пьянства — смысловое ядро первой части очерка Нефёдова. Мирской сход должен решить: оставлять питейное заведение или же не продлевать с кабачком, как они говорят, «ренду». Единого мнения нет. Владелец кабака, пользуясь разобщенностью мужиков, фактически подкупает их, предлагая за аренду уже не триста, как прежде, а 500 рублей. Ионыч призван разрешить дилемму: «Знаю, многие соблазнятся на казну большую: но что для людей дороже: казна али душа?» [10. С. 49]. Неприглядная реальность, которую раскрывает очеркист, заключается в том, что «казна» оказалась для крестьян дороже «души». Для автора в этом заключается одно из проявлений драмы народной жизни. В рассказе Чехова «Драма», опубликованном в «Осколках» за год до очерка Нефёдова, профанируется то, что серьезно беспокоило очеркиста. В пятиактной «драмище» Мурашкиной иронически показана оппозиция кабака и школы: «Из окна школы глядит Валентин. Видно, как в глубине сцены поселяне носят свои пожитки в кабаки» [1. Т. 6. С. 228]. Пьянства не «поселян», а представителей среднего класса Чехов мельком касается в «Ионыче». Постаревший Старцев жалуется Котику: «Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу» [Там же. Т. 10. С. 38]. Критикуя окружающее общество, Старцев не замечает того, что сам стал его знаковой фигурой.

Таким образом, «Ионыч» Нефёдова сыграл роль первичного материала для художественной обработки Чехова. Наряду с произведениями других авторов, так или иначе упомянутых в чеховском «Ионыче», очерк из «Северного вестника» с тождественным названием может быть признан подлинным претекстом рассказа, на фундаменте которого было написано новое оригинальное произведение, ставшее классикой русской литературы.

Литература

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М., 1974–1983.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. 320 с.
3. Аверинцев С.С. Римский этап античной литературы // Поэтика древнеримской литературы: жанры и стиль. М., 1989. С. 5–21.
4. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. 575 с.
5. Винокур Т.Г. О семантических принципах разговорной стилизации в драматургии Гоголя // Res philologica. М.; Л., 1990. С. 298–308.
6. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. М., 1989. 264 с.
7. Гедзюк Е.А. Характер врача в рассказах А.П. Чехова «Цветы запоздалые» и «Ионыч»: постоянное и переменное в сюжетно-фабульных акцентах // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 3 (31). С. 106–112.
8. Ларионова М.Ч. Рассказ А.П. Чехова «Ионыч» в свете русской традиционной культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4 (30). С. 164–172.
9. Макаров Д.В. Библиейские мотивы (ветхозаветные и новозаветные) в рассказе А.П. Чехова «Ионыч» // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2013. № 3 (63). С. 16–19.
10. Нефёдов Ф.Д. Ионыч: (из жизни и нравов лесного края) // Северный вестник. 1888. № 7. С. 1–57.
11. Чехов А. Огни // Северный вестник. 1888. № 6. С. 1–36.
12. Чехов А. Степь // Северный вестник. 1888. № 3. С. 75–167.
13. Протопопов М. Новые книги. Сочинения Ф.Д. Нефёдова // Русское богатство. 1895. № 2. С. 63–67.

References

1. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Moscow, 1974–1983.
2. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo. Moscow, 1979. 320 s.
3. Averintsev S.S. Rimskii etap antichnoi literatury // Poetika drevnerimskoi literatury: zhanry i stil'. Moscow, 1989. S. 5–21.
4. Tyunyanov Yu.N. Poetika. Istoriia literatury. Kino. Moscow, 1977. 575 s.
5. Vinokur T.G. O semanticheskikh printsipakh razgovornoj stilizatsii v dramaturgii Gogolia // Res philologica. Moscow; Leningrad, 1990. S. 298–308.
6. Kataev V.B. Literaturnye svyazi Chekhova. Moscow, 1989. 264 s.
7. Gedziuk E.A. Kharakter vracha v rasskazakh A.P. Chekhova "Tsvety zapozdalye" i "Ionych": postoiannoe i peremennoe v siuzhetno-fabul'nykh aktsentakh // Vestnik MGPU. Seria: Filologiya. Teoriia iazyka. Iazykovoe obrazovanie. 2018. No. 3 (31). S. 106–112.
8. Larionova M.Ch. Rasskaz A.P. Chekhova "Ionych" v svete russkoi traditsionnoi kul'tury // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2010. No. 4 (30). S. 164–172.
9. Makarov D.V. Bibleiskie motivy (vetkhovzetnyye i novozavetnyye) v rasskaze A.P. Chekhova "Ionych" // Vestnik Ul'ianovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2013. No. 3 (63). S. 16–19.
10. Nefyodov F.D. Ionych: (iz zhizni i нравов lesnogo kraia) // Severnyi vestnik. 1888. No. 7. S. 1–57.
11. Chekhov A. Ognii // Severnyi vestnik. 1888. No. 6. S. 1–36.
12. Chekhov A. Step' // Severnyi vestnik. 1888. No. 3. S. 75–167.
13. Protopopov M. Novye knigi. Sochineniia F.D. Nefyodova // Russkoe bogatstvo. 1895. No. 2. S. 63–67.

14. *Капустин Н.В.* Творчество Ф.Д. Нефёдова в литературном процессе второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 19 с.

15. *Крылов В.Н.* Путевые очерки Ф.Д. Нефёдова: (поэтика народнического травелога) // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. № 1–2. С. 214–217.

16. *Горячкина М.С.* Художественная проза народничества. М., 1970. 216 с.

17. *Богданова О.В.* Образ доктора Старцева в рассказе А.П. Чехова «Ионыч» // Вестник Брянского университета. 2016. № 2. С. 124–127.

18. *Степанова А.С.* Псевдоантитеза в рассказе А.П. Чехова «Ионыч» // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 3. С. 138–146.

19. *Кубасов А.В.* Рассказы А.П. Чехова: поэтика жанра. Свердловск, 1990. 73 с.

20. *Фортуатов Н.М.* Архитектоника чеховской новеллы. Горький, 1975. 110 с.

21. *Тюпа В.И.* Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь, 2001. 58 с.

22. *Писемский А.Ф.* Тысяча душ. М., 1958. 498 с.

14. *Kapustin N.V.* Tvorchestvo F.D. Nefyodova v literaturnom protsesse vtoroi poloviny XIX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1985. 19 s.

15. *Krylov V.N.* Putevye ocherki F.D. Nefyodova: (poetika narodnicheskogo traveloga) // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2016. No. 1–2. S. 214–217.

16. *Goriachkina M.S.* Khudozhestvennaia proza narodnichestva. Moscow, 1970. 216 s.

17. *Bogdanova O.V.* Obraz doktora Startseva v rasskaze A.P. Chekhova "Ionych" // Vestnik Brianskogo universiteta. 2016. No. 2. S. 124–127.

18. *Stepanova A.S.* Psevdoantiteza v rasskaze A.P. Chekhova "Ionych" // Vestnik SPbGU. Ser. 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2016. No. 3. S. 138–146.

19. *Kubasov A.V.* Rasskazy A.P. Chekhova: poetika zhanra. Sverdlovsk, 1990. 73 s.

20. *Fortunatov N.M.* Arkhitektonika chekhovskoi novelly. Gorky, 1975. 110 s.

21. *Tyupa V.I.* Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa ("Arkhierei" A.P. Chekhova). Tver, 2001. 58 s.

22. *Pisemsky A.F.* Tysiacha dush. Moscow, 1958. 498 s.

Кубасов Александр Васильевич,
доктор филологических наук, профессор
Уральский государственный педагогический университет

Kubasov Aleksandr V.,
Doctor of Philology, Professor
Ural State Pedagogical University

e-mail: kugas2002@mail.ru

